

Сергей Наумов

В двух шагах от «Рая»

Андрей Долгинцов

Сергей Наумов

В двух шагах от «Рая»

«Public Domain»

Наумов С.

В двух шагах от «Рая» / С. Наумов — «Public Domain»,
— (Андрей Долгинцов)

Три советские диверсионные группы, заброшенные в район предполагаемого расположения секретного немецкого склада с горючим, пропали без вести. Четвертого промаха быть не должно, поэтому задание поручено лучшему разведчику фронта капитану Долгинцову, более известному под кличкой «Седой». Точное местонахождение склада, кроме того, что это горный район Югославии, неизвестно. Единственное, что может навести разведчиков на след, это условное обозначение склада – «Рай».

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Наумов В двух шагах от «Рая»

* * *

Адъютант, моложавый подполковник, приветливо кивнул Седому и пропустил в покои командующего.

Маршал сидел в большом кресле у раскрытого окна и пил чай.

– Садись, капитан... наливай, не стесняйся – покрепче.

Командующий с интересом рассматривал разведчика.

– А ты и впрямь седой.

– Седой, – немного растерянно ответил Долгинцов.

– Мне о тебе говорил Георгий Константинович. Рекомендовал... А он, сам знаешь, слов на ветер не бросает.

– Знаю, товарищ командующий.

Маршал был в простой саржевой гимнастерке с расстегнутым воротом. В очках на толстом, мясистом носу.

– А полковника моего ты ловко отбрил. Он у нас человек, безусловно, талантливый, но любит порисоваться... Совещания, заседания, в общем хочет иногда показать себя. Тоже, знаешь, двигатель... Честолюбие помогло, как известно, Гоголю стать великим писателем.

И Седой вспомнил несостоявшееся совещание в разведотделе фронта.

Красавец полковник со смешной фамилией Кембытько представил Седого как крупного специалиста по тыловым диверсиям и попросил рассказать собравшимся о намечавшейся операции. Людей в отделе было много, да еще стенографистка. Она совсем вывела Долгинцова из равновесия. И он грубовато сказал:

– Хорошо бы все делать тихо... и без свидетелей.

Полковник взорвался:

– Вы что же, считаете совещание лишним? Мы ведь тоже не совсем тупицы, капитан... Головы дивизионной, армейской, фронтовой разведки. Лучшие головы, можно сказать, в вашем распоряжении.

– Я ничего не считаю, – устало сказал Седой. – Когда об операции знает сорок человек, включая стенографистку, видимо, нет смысла пересекать линию фронта. Можно напороться на засаду.

– Ну знаете, капитан!..

– Знаю.

Это была неслыханная дерзость. Полковника сдерживало спокойствие генерала, присутствовавшего на совещании. Тот сидел прямо и в упор рассматривал Седого. Потом тихо, но внятно произнес:

– Совещание закончено.

Седой усмехнулся воспоминаниям. Кембытько тогда как-то сразу сник, увял, весь его лоск поблек. Он почти застенчиво посмотрел на Седого и вдруг подмигнул ему весело и озорно, и Долгинцов понял, что человек этот незлобив, может быть, даже добр и неглуп, но вот явилась знаменитость, то есть он, Седой, и в человеке заговорило самолюбие, захотелось показать себя. Но и еще кое-что понял Седой. Генералу тоже хотелось посмотреть, как поведет себя «знаменитый капитан», потому и разрешил совещание.

– ...В разведке это только мешает, товарищ маршал, – запоздало ответил Седой.

– Ох и суров ты, капитан.

Маршал осторожно снял очки, и Седой увидел добрые, небесной синевы глаза, слегка подслеповатые, а потому немного беспомощные.

– Говори, – кивнул маршал и отодвинул пустую чашку.

Седой глубоко вздохнул и негромко стал докладывать:

– Я достал мелкомасштабную карту района, где предполагается расположение склада. На карте около тридцати малых и шесть больших пещер.

– Думаешь, склад в пещере?

– Немцы лишнюю работу делать не станут. Пещера – и маскировка, и неуязвимость для авиации.

– Почему такое странное название склада – «Рай»?

– Пока не знаю, товарищ маршал.

– Давай дальше.

– Нужно искать, товарищ маршал. Вывозят же они горючку – значит, коммуникации есть. В районе, где исчезли группы, три шоссе и семь проселочных дорог...

– Где карту-то достал? – внезапно спросил командующий.

– В музее, товарищ маршал. Тут краеведческий музей, экспонаты разные, чучела животных, сталактиты, сталагмиты. И карты. Есть и схемы всех пещер... Не заблудимся.

– Ну и бес ты, капитан. А мои разведчики рохли... Сколько стоим!

– Не скажите... Мне пришлось покопаться, как прилетел – все искал. В подвале, в архиве обнаружил.

– Знал, что есть, должна быть, вот и обнаружил, – проворчал командующий. И тут же спросил: – Что думаешь об охране склада?

– Как зеницу ока сторожат – значит, не меньше батальона... Эсэс, конечно.

– Думал, как бы сам охранял?

– Думал.

– И что же?

– Если пещера имеет один выход, он же вход, въезд или что там еще, сделал бы стальные воздухонепроницаемые ворота и пустил в пещеру газ...

– Как это?

– А так. Кроме специальной команды в противогазах, никто туда войти не сможет – мучительная смерть.

– Но ведь у тех, кто захочет войти, тоже могут быть противогазы.

– Конечно. Но они не будут знать, какой газ пущен в пещеру.

– И какой же вы бы пустили?

– Последнюю немецкую новинку – газ «табун». От него не спасут никакие противогазы.

– Да, капитан, в фантазии тебе не откажешь.

– Немцам тоже, товарищ маршал.

– Я имел в виду аналитичность твоего ума... Можно сказать, комплимент тебе приготовил. Вот и о «табуне» больше меня знаешь. Ну да ладно. Интересно мне теперь знать... – Командующий строго взглянул на Седого. – Фронт послал три группы. Ни от одной нет известий. Что думаешь?

– Группы были сброшены с самолетов в район предполагаемого склада. Правда, я не уверен, что он там. Немцы могли использовать шоссе как отвлекающую магистраль, а горючее вывозить проселками по ночам с определенным интервалом. Что касается групп... Ночи ясные, товарищ маршал, парашютист в небе виден за десять километров. Много раз сам видел. И землю и с земли... Ох как плохо прыгать светлой летней ночью! Как раздетым на женский пляж войти.

Маршал удивленно гмыкнул, потом тихонько рассмеялся.

– Значит, пойдешь пешком. Не далеко?

– Далеко, близко – не проблема. Группа должна выйти на цель. Время – субстанция в данном случае растяжимая. Я бы очень вас просил параллельно с моей готовить группу для заброски с воздуха. Заброски может не быть, но вот сделать ее подготовку заметной...

– Понятно... Ох хитер... Ты потребовал у фронтовой разведки разыскать своих людей. Что же моим разведчикам не веришь? Или не хороши?

– Хороши, товарищ маршал. И в ближнем бою, и стрелки отменные. И верю я, конечно, ребятам. Но моим верю я как себе. Моих я знаю с пеленок, я имею в виду разведку. Знаю, кто что может... А с вашими людьми я буду слепой. И еще... Я просил двух разведчиков-югославов родом из предполагаемого квадрата. Хорошо, если бы они немного знали русский.

– Ждем ответа из штаба Тито... Но они-то будут совсем чужие.

– Ни один из моих людей не знает сербского языка... и местность. И много всего... Что носят, например, сербские пастухи на голове, во что одеваются, какие у них привычки... Где найти в горах родник...

– Что ты меня агитируешь? Я же согласен с тобой, – улыбнулся маршал.

Он поднялся с кресла, прошел в угол комнаты, где стоял сейф, скрипнул дверцей. В руках его появились черная бутылка с цветистой этикеткой и два фужера.

– «Осборн», капитан. Коньяк высшей марки. Пахнет солнцем Андалузии... Поди и не пробовал такого?..

– Всяко приходилось, товарищ маршал.

– Да, я и забыл, что ты специалист по немецким тылам, – усмехнулся командующий. – Учти... пью редко и не со всяким человеком. Но с тобой выпью. И вот за что...

Командующий вдруг посуровел, легкая тень набежала на лицо.

– Войну мы выиграли... Теперь можно так сказать... А солдаты продолжают умирать. Наши, советские люди, капитан. Ты лучше меня знаешь, что такое тысячи тонн бензина. Но если не взлетит хотя бы сотня самолетов врага, если не двинется хотя бы полсотни танков – это значит, не сложат головы тысячи наших людей. Славянская кровь должна дорожать, капитан... Мы и так ее пролили достаточно. Вот я и хочу выпить за твою удачу...

Командующий разлил коньяк в фужеры, быстро взглянул на дверь, торопливо чокнулся и залпом выпил.

– Адьютант, понимаешь... если увидит, будет мне нахлобучка.

Маршал снова прошел к сейфу и спрятал бутылку и фужеры.

– Ну вот, теперь мы чистые, – усмехнулся командующий.

– А запах...

Маршал грустно взглянул на Долгинцова.

– От тебя не скроешься... дотошный ты... Дыши в себя, и не будет никакого запаха.

Седой сдержанно улыбнулся.

– В себя долго не подышишь, товарищ маршал.

– Приходилось?

– В болоте лежал... глубина метра полтора... Немцы набежали. По их расчетам, должен я здесь быть, а меня нет... А я не знаю, сколько они топтаться у меня над головой будут. На всякий случай полминуты лишних пролежал...

– А всего сколько?

– Минуты две...

– Не может быть!.. Тренировался, что ли?

– Тренировался, товарищ маршал, с детства.

– Ушли немцы-то?

– Не пил бы я с вами коньяк, если бы не ушли.

– У меня тоже случай был... В сорок втором. Штаб армии попал под бомбежку. Навел кто-то. Две землянки вдребезги. А там, где я, горит все... и дым... Дышать нечем. Так я поло-

тенце в воде намочил и сквозь него дышал. Потом ребята из охранения вытащили без сознания... да...

Командующий пожевал губами, потер виски.

– Почему все-таки «Рай»? Оригинальничанье или код?

– Код. Возможно, начальные буквы или слоги... Я посижу над картой... И есть у меня один шибко сообразительный малый на такие кроссворды.

– Из тех, что прилетят?

– Из тех, товарищ маршал. И еще... Есть просьба...

– Слушаю.

– Моих людей, которые придут, не нужно никому показывать. Пусть отправляют сразу на хутор, что на стыке двух проселков. У меня там «Логово».

– Тоже код?

– Конечно, товарищ маршал, но знаете его пока вы один.

Маршал снова, как полчаса назад, остро взглянул на Седого. Молча кивнул. Потом спросил:

– Никому?

– Ни одному человеку...

– Верю я в тебя, капитан... Ой как верю! Если бы все понимали так свою задачу. Давно бы войну выиграли... Людей твоих будет встречать мой адъютант.

– Спасибо, товарищ маршал.

– Слушай, что я тебя напоследок хотел спросить... Ты уж не смейся над стариком... Тебе страшно бывает, когда ты по тылам ходишь?

– Конечно... Все ведь знают, что такое гестапо. Только я бы им не дался. У меня под ремнем всегда «лимонка» да еще в чугунном чехле... Граната-неразлучница.

– И сейчас с собой?

– И сейчас.

– Покажи.

Седой достал из-за широкого ремня гранату. Маршал взял «лимонку», подержал ее на весу.

– Неразлучница... Хм... А если есть еще шанс?..

– Нельзя рисковать. Там про шанс не думаешь. Мысль одна – как бы не попасть в их руки.

– Ты прав, капитан... Такая у тебя работа. Ну прощай. Еще раз желаю удачи... и возвращения.

– Спасибо, товарищ маршал... Постараюсь выполнить задание. Ну... и вернуться.

Седой вытянулся, отдал честь и, мягко ступая по коврам, вышел из комнаты.

* * *

Не успел Седой сойти с крыльца дома, в котором остановился командующий, как попал в мощные объятия крупного усатого человека.

– Ваня! – вскрикнул Долгинцов и обнял старого друга.

– А я вот, видишь, поджидал тебя, – хитро подморгнул капитану грузный человек с полковничьими погонами. – Думаю, улетит ведь фокусник, и не увидимся.

Они подружились в начале войны. Иван Авксентьевич Шашырев был командиром дивизионной разведки, куда Седого направили для прохождения службы.

Фронтная дружба возникает внезапно и надолго. Зачастую цементом этой дружбы является совместно пролитая кровь. Случилось так, что они дрались в одном окопе, когда дивизия

попала в окружение. Потом война разбросала их по разным фронтам. И вот встреча. Шашырев носил уже чин полковника и занимал соответствующую должность, но в обращении остался прост и трогательно наивен, потащил Седого в свою комнату, достал коньяк, консервы.

– Как я рад, что ты жив, Андрюша... – бубнил он, разливая коньяк. – Много слышал о тебе и все думал: до коих пор он будет ходить по лезвию ножа?

– До сих, – улыбнулся Седой, – до конца войны, Ваня.

– Ну и бросает тебя. Два дня назад еще ведь в Польше был.

– А ты откуда знаешь?

– Знаю, брат. Знаю и то, что за тобой самолет посылали в тыл к немцам. Такой ты у нас достославный, Андрюша.

В тот же день, под вечер, Седой попросил подобрать ему разведчика в группу – для полного комплекта не хватало одного человека.

Утром Шашырев сам пришел к разведчикам в «Логово».

– Едва нашел твое убежище, – недовольно проворчал Шашырев, здороваясь с Седым.

– А ты хотел, чтобы его знал каждый ездовой, Ваня? Абвер не дремлет... Уверен – и здесь у него своя пара глаз.

– Выходит, наши контрразведчики зря хлеб едят?

– Выходит... Группы-то не вернулись. И на связь не вышли.

– Да, конечно...

– Ну что, Иван... кого отдашь из своих золотых запасов?

Шашырев усмехнулся и, глядя куда-то в сторону, неуверенно сказал:

– Есть тут у меня один парень. Из бывших лейтенантов. Профессионал... Может все...

Только вот с характером у него, да и с дисциплиной нелады. Не то чтобы псих, но и... одним словом, сгоревший человек. Немца живого видеть не может. А так, если характер отбросить, самый твой человек. Узнает, куда идете, умолять будет взять с собой.

– А этого пока никто не знает, и ты тоже, Иван Авксентьевич.

– Конечно, конечно... Но ты все же его посмотри. Из твоих ребят его никто не возьмет.

Пулеметчик – поискать надо. Знает немецкий...

– Зовут как?

– Щеколда. А проще – Саша Чиликин...

– Ну что ж, идем посмотреть Щеколду. Кстати, за что такая кличка?

– А он и есть щеколда. Если руками что схватит – все. Считай, намертво.

Чиликина они отыскали на краю села. Он сидя бросал ножи в дерево, три из них уже торчали в стволе одинокой сосны.

Щеколда лениво и, как показалось Седому, неохотно поднялся с пня, на котором сидел.

Это был медлительный широкоплечий крепыш с мощным торсом и огромными, сильными руками.

Седой понял всю справедливость клички.

– Сержант Чиликин, – доложил Щеколда.

– Тренируетесь? – дружески спросил Седой.

– Не-е... балуюсь...

– Можно и мне побаловаться?

– Ну-у... попробуйте...

И он протянул капитану длинный нож.

– Бью в середину между вашими двумя финками.

Седой метнул нож. Щеколда удивленно присвистнул. Нож точно вошел между двумя лезвиями.

– Разведка, – сразу догадался сержант.

– Будем знакомы, – ответил Седой, – капитан Долгинцов, командир особой группы штаба фронта. Есть предложение.

– Так сразу...

– Да. Вы мне нужны. Если нарисуете на мишени восьмерку из пулемета, беру с собой.

– Какой пулемет?

– МГ. Трофейный немецкий...

– Сделаем, товарищ капитан... А с собой – это куда?

– В «Рай», – усмехнулся капитан.

– Можно и туда, но лучше в чистилище, пусть почистят.

Щеколда нарисовал пулями обещанную восьмерку. Седой остался доволен.

Чиликину капитан понравился сразу, а это было немаловажно. У Щеколды все люди делились на «нра» и «ненра». Если ему человек не нравился чем-то, толку от Чиликина не было. В лучшем случае он выполнял долг. Но уж если нравился, Щеколда выкладывался весь, чтобы заслужить легкую похвалу или расположение этого человека.

– Ну? – спросил Шашырев, когда они остались одни.

– Беру. Спасибо. То, что надо.

– Эх ты, а еще старый друг. Я тебе суперразведчика, а ты – то, что надо... Экстра-класс.

От сердца отрываю, можно сказать...

– Так для дела-то какого отрываешь, Иван Авксентьич.

– Да уж... Как там все сложится? Как в языке майя: сто иероглифов – и все неизвестные.

– Языками балуешься.

– А-а, до войны все... Хотел разгадать тайну языка майя и прочесть их таинственные манускрипты на скалах.

– Да ты, оказывается, романтик, Иван, – изумился Седой.

– Я был нормальный человек, а теперь военный.

– Ничего, кончится война – разгадаешь.

– Нет. Буду преподавать.

– Слушай... и у Чиликина, что же, так и никого?

– Никого, – помрачнел Шашырев, – всех немцы расстреляли за связь с партизанами. Его ведь из лейтенантов за что разжаловали? Пленного «языка» одним ударом убил. Сам же взял, тащил на себе, а потом... тот что-то сказал ему – никто не знает что... Он его и стукнул. Я же тебе говорил – сгоревшая душа.

– Пламя, на котором горит эта душа, чистое, светлое пламя, Ваня.

* * *

Сначала он смотрел, как они стреляли. Из немецких «шмайсеров» на расстоянии ста шагов, из трофейного МГ на пятьсот и больше. Из личных парабеллумов по движущимся мишеням. Потом дзю-до. Схватки между собой, каждый с каждым. И по очереди с ним, капитаном Долгинцовым.

Полковник Шашырев только удовлетворенно кричал, когда очередной «противник» Седого беспомощно валился на песок. Но капитан остался доволен: «Чуток подучим. А так ребята в порядке. Реакция есть, ловкости и силы не занимать».

Подошел Мирчо Джанич, словенец, присланный из разведотдела штаба Тито, и что-то быстро проговорил, путая сербские и русские слова. Гайда, его товарищ, хорошо знавший русский, перевел: «Товарищ капитан – великий чемпион, его, Мирчо Джанича, не мог „взять“»

никто во всей Народной армии, товарищ капитан бросил Мирчо за три секунды, он готов идти с товарищем капитаном хоть в преисподнюю».

– Туда не требуется. Пойдем, Мирчо, к тебе в гости. Может быть, даже домой заглянем.

Прошло несколько дней. Жизнь в «Логове» текла своим чередом. Седой радовался добрым, открытым отношениям, сложившимся в интернациональной группе. Чех Франтишек Печек учился у Присухи радиodelу, Гайда осваивал новую снайперскую винтовку и приобщал к ней угрюмоватого Джанича.

– Пригодится, Мирчо, – старательно выговаривал по-русски худощавый, жилистый серб и не уставал записывать в блокнот русские слова, которыми так и сыпал всезнающий оптимист Присуха по кличке Ньютон.

Болгарин Николо Арабаджев учил разведчиков алгебре маскировки и незаметного проникновения к нужному объекту. Это были тихие, бесшумные часы терпеливого ожидания и вдумчивого наблюдения. Седой приказал бегать кроссы. Они вырабатывали выносливость и силу. Путь предстоял неблизкий.

За неделю интенсивных тренировок бойцы осунулись, внешне подобрались, посуровели.

Прошла еще неделя. Эфир молчал. Седой вернулся из штаба серьезный, сосредоточенный, собрал группу и кратко изложил суть задания. Взорвать бензохранилище. Любым способом. Пока жив хоть один из группы, он должен думать только об этом.

Ночью люди Седого выехали на прифронтовой аэродром. Чтобы сэкономить силы и время, Седой решил лететь до самой линии фронта сколько возможно. Воздух спасал и от замаскированных вражеских глаз.

* * *

Седого клонило ко сну. Ровный гул моторов действовал как снотворное. Сколько помнил себя, ему всегда в самолете хотелось спать. Капитан взглянул в иллюминатор. На ночной земле вспыхивали редкие огоньки жизни.

Операция закодирована как «Кедр». Для всех он Седой, командир. Его приказ – закон. Из двенадцати он знает четверых: старшину Арабаджева, радиста и минера Николая Присуху, сержанта Синёва и подрывника Франтишека Печека.

С Николом Арабаджевым судьба свела еще в сорок втором. Их группу из шести человек десантировали с катера на крымское побережье для выполнения редкостного по отчаянности задания – уничтожения гигантского орудия, обстреливавшего осажденный Севастополь.

С тех пор старшина отвоевал два года по тылам без единой царапины, словно заговоренный.

Сержанта Присуху Седой знал, что называется, с пеленок – он взял его прямо из школы подрывников и ни разу не пожалел о сделанном.

Остальные – участники последнего рейда в Польшу. Очень разные эти двое. Синёв неразговорчив, угрюмоват, в широких, налитых силой плечах таится спокойная, тяжелая мощь. Чех Франтишек улыбочив, хрупок, любит шутку – открытая душа. Франтишек из эмигрантов. Отец, в прошлом известный всей Европе врач-окулист, не смог жить в оккупированной Чехословакии.

Седой откинулся к холодной плоскости и чуть повернул голову влево.

«Крепкие нервы у парня», – с уважением подумал капитан.

На металлической скамье, привалившись к стенке, спал чернобородый загорелый Мирчо Джанич – чемпион по дзю-до Народной армии. Спал, словно у себя дома, сладко посапывая

и чему-то улыбаясь во сне. Его товарищ Данило Гайда с удивлением и завистью смотрел на разведчика, нервно покуривая.

Мирчо и Данило не знали, чьими стараниями они оказались за линией фронта.

В штабе фронта с самого начала дело всем казалось простым. Ну, подумаешь, сжечь склад с горючим. Сколько их взлетело на воздух за годы войны!

Готовилось наступление в Югославии. Склад питал горючим немецкие танковые корпуса и авиацию, базирующуюся на сербских и словенских аэродромах. Немцы развозили горючее ночью, строго соблюдая светомаскировку. Никто не знал даже приблизительно, где находится этот злополучный склад. Сведения, полученные из разведывательного центра Народной армии, были разноречивы и содержали скудную информацию: «в южных районах Сербии», «северо-западнее города», «наблюдатели засекли колонну автоцистерн в районе»...

Немцы явно хитрили, делая ложные ходы. Они прекрасно понимали, какую роль играет спрятанный среди гор склад после потери румынских нефтеперерабатывающих заводов. Вместе с потерей горючего они утратили бы маневр.

Была создана группа «Кедр» взамен невернувшихся. Седого торопили с подготовкой группы. Тогда-то и возникли двое из Народной армии. Капитан не хотел блуждать в потемках на незнакомой территории.

* * *

Маршрут «Кедра» пересекал фронт армейской группы «Сербия», все ее три пояса обороны и затем ее тылы. Дальше была благословенная земля Сербии, где гарнизоны в городках были венгерскими, села же в лучшем случае охранялись четниками.

Разведка ночным боем силами батальона на участке, где группа Седого переходила фронт, отвлекла, дезориентировала немцев, и «Кедр» благополучно проскользнул мимо сторожевого охранения, скрылся в лесу.

Нужно было пройти чисто. В этом заключалась главная трудность. Мог ведь просто встретиться случайный немец. Его пришлось бы ликвидировать и тем самым наследить.

Седой вел группу змейкой, обходя большие скопления войск, замирая днем и неслышно передвигаясь ночью. Опыта в таких делах ему было не занимать, но еще надеялся и на удачу. И она не оставила его, человека, воевавшего с первого дня войны.

Группа прошла все три пояса обороны немцев, миновала тылы и вырвалась на просторы осенней Сербии.

Они шли по пустынным межгорьям Восточно-Сербских гор, обходя села и хутора. Война отодвинулась, стала далекой. Им стало казаться, что так было всегда – тишина гор, хрустально-чистый воздух, журчание ручьев, пение птиц.

Ночью в горах было холодно, но они не разводили костров, пока не наткнулись на небольшую пещерку. Там огонь горел всю ночь, и они хорошенько выпались.

Истекло несколько дней, пока группа приблизилась к желаемому квадрату. Последний переход был длинным, и разведчики устали.

Седой уже подумывал о привале, присматривал место. И вдруг дом. Он стоял на холме и притягивал как магнит.

– Что скажешь, Мирчо?

– У нас есть такие хутора. Дом с пристройками и сарай. Бывает еще амбар, ну и всякие там погреба, хранилища. Здесь должна жить большая семья...

– Хижина на семи ветрах, – буркнул Арабаджев, – никак там архангелы живут.

– Может быть, он пустой? – сделал предположение Присуха.

– Нет, – сказал Седой, опуская бинокль, – дом жилой, а хозяин смотрит из-за занавески...

– Неужели видели, товарищ капитан? – удивился Присуха.

– Предполагаю. Занавески задернуты, на срубке колодца ведро – недавно брали воду. Ну а на крыше ведь, кажется, стоит аист...

– И правда...

– Я посмотрю, – предложил Джанич.

Седой кивнул. Серб умел стать невидимкой, когда следовало приблизиться к чему-нибудь неизвестному.

Как и предполагал Седой, хозяин оказался дома. Высокий худой словенец мял в руках неизвестно откуда взявшуюся газету и заискивающе смотрел на разведчиков.

– Спроси его, Мирчо, есть ли в округе немцы, а если есть, то где и много ли... Заметь, немцы, а не венгры...

Джанич вынул из рук хозяина дома газету, силой посадил его на лавку, тихо и строго спросил:

– Как зовут?

– Милан, – невнятно пробормотал тот. – Милан Стуковский...

Джанич проследил за взглядом Милана. Хозяин смотрел в пол.

– Где семья?

Стуковский вдруг сжался и жалобно взглянул на разведчика.

– Немцы, что ли, убили? – спросил Джанич.

– Нет. Ушли... – опять невнятно пробормотал Стуковский.

– А ты что же?

– Дом...

– Ясно... Дом побоялся оставить. А где же другие люди с хутора?

– Ушли...

– Немцы рядом есть?

– Нет.

Милан смотрел мимо Джанича. Чуть выше и в сторону. Лицо его казалось бледным.

Одет Стуковский был хорошо, в добротную кожаную куртку, яловые сапоги. Весь внешний вид его говорил о достатке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.